

Владимир Смирнов

Воспоминания детства

К 75-летию Победы в Великой Отечественной

Когда началась Великая Отечественная война с немцами, мне шел 6-й год. Летом 1941 года мы с бабушкой Татьяной Романовной Заградской жили на даче в дачном кооперативе научных работников государственного университета. Первым председателем кооператива, добившимся организации строительства кооператива, был мой отец Александр Тимофеевич Смирнов – преподаватель политэкономии, одно время, как помнила моя мама Лидия Васильевна Заградская, исполнявший обязанности завкафедрой и профессора Одесского университета.

Отец мой умер, когда мне было два года. Из партийных документов тех лет, которые мне помог найти в архиве Игорь Леонидович Комаровский, стало известно, что отец мой после окончания института народного хозяйства в 1930 году был принят кандидатом в члены партии, но, несмотря на большую лекционную нагрузку и общественную работу, его не принимали в члены партии до самой смерти в 1938 году. Из разговоров с бабушкой Таней я узнал, что отец много ночей, особенно во время ежовщины, не спал и все ожидал, что и к нему подкрадетсся «черный ворон». Из архивных партийных документов мне стало известно, что прежде чем поступить в институт народного хозяйства, отец два года работал маляром, ибо в вузы принимали только «классово подходящих» людей.

Отец жил с матерью, которую я называл, когда она приходила к нам, бабой Женей. Они вдвоем очень нуждались, и отец обращался к ректору института Арнаутову с просьбой о выплате ему стипендии в связи с тем, что он болел гемофилией и не мог обеспечить себя и мать деньгами, необходимыми на пропитание и ле-

чение. Как видно из документов, ректор Арнаутов распорядился выплачивать моему отцу спасительную для него с матерью стипендию. Моя мама в то время была солисткой балета оперного театра и собиралась поступать в индустриальный институт. С моим отцом она познакомилась, будучи студенткой индустриального института. Как говорили мне коллеги моего отца, на его лекции по политэкономии приходили студенты всех факультетов института. (Об этом мне рассказывали завкафедрой физики в институте связи Елена Леонидовна Иванова, а также автор многих статей, посвященных разоблачению сталинских репрессий, кандидат химических наук Н.М. Лакинская.) Будучи первым председателем правления ДСК, отец мой ездил в Киев и хлопотал об организации всех каменных работ по строительству дач научных работников университета. Там поселились работники университета С.О. Голуб, М.Н. Крейн, Д.С. Гончаров, Г.А. Машталер и многие другие.

Умер отец мой от генетической болезни гемофилии, получив заражение крови после неудачной перевязки операционного шва, оставшегося после операции по удалению гематомы, которую ему делали в Москве. Моя мама, помню, после смерти отца объясняла мне, что ей необходимо выйти замуж. После окончания индустриального института мама работала на одесской электростанции в качестве химика-технолога. Там она познакомилась со своим будущим вторым мужем.

В квартире, где жила наша семья, на втором этаже круглого здания на Греческой площади, вскоре поселился со своим письменным столом и полкой с книгами по электротехнике новый мамин муж Леонид Гаврилович Ковалев, который вначале аккуратно клеил с помощью клея-гуммиарабика для меня из плотной бумаги корабли. Леня – так я называл своего отчима – был совершенно апатичный мужчина, на все, что возможно, он говорил презрительно: «Пхе, чепуха!». Однажды, когда я почему-то громко плакал, он запихнул мне в глотку сухую тряпку, и я чуть не задохнулся. Кто-то успел вытащить тряпку из моего горла. Думаю, что моей спасительницей была приехавшая на заработки из деревни девушка Гандя. Она была моей нянькой. Она меня брала на руки, и мы гуляли на Соборной площади, где в 1936 году был разрушен городской собор, также ходили в Городской садик, недалеко

от дома, где мы жили, и там слушали городской оркестр, который выступал на специальной открытой веранде.

Интересно, что из камня разрушенного собора была построена в начале улицы Толстого четырехэтажная школа, где уже после войны разместилась на верхнем этаже школа «имени мене» – имени профессора Петра Соломоновича Столярского, где волею судьбы я десять лет проучился, посещая уроки фортепиано у Розалии Соломоновны Коган-Шварцман, а на первом году обучения – у Татьяны Леонидовны Достойновой. Окончив эту школу, я получил серебряную медаль. Но это произошло всецело благодаря тому, что после неудачных посещений детского сада, после которого я постоянно болел всеми детскими инфекционными заболеваниями, моя мама еще до начала войны отвела меня на Екатерининскую площадь, которая тогда носила имя Карла Маркса, хотя после уничтожения памятника Екатерине Великой установленный памятник Карлу Марксу свалился во время грозы, и остался один постамент памятника Екатерине (ныне памятник восстановлен одесским мэром Гурвицем). Там жила моя родная бабушка, которая требовала, чтобы я всегда ее называл по имени – Таней, ибо не хотела быть «бабушкой». У Тани я перестал болеть, и она выходила меня от моих хворей, и приезжала летом со мной на дачу, где также летом жили моя мама с отчимом Леней, а также квартиранты.

Мою няньку Гандю к тому времени выгнали якобы из-за поведения. Когда мама уходила на работу, я оставался один, обычно больной, и следил за временем по песочным часам, когда она должна была вернуться с работы. Позднее со мной оставалась уже более пожилая по сравнению с Гандей женщина. Она мне запомнилась тем, что показывала якобы интересную забаву. Она прикладывала к своей голове иголку, стучала по ней молотком и потом находила эту иголку у себя в туфле, объясняя, что иголка совершила путь от головы через нее в туфлю, и просила меня повторить. Неужели она не понимала, что ребенку нельзя было поручать такие небезопасные игры?

Когда были праздники, везде шумели оркестры, а я сидел в комнате у окна, которое выходило на Греческую улицу, и наблюдал различные номера трамваев, на Греческой площади имевших

конечную остановку: я научился называть трамвайные номера 17, 25, 1 – кроме № 23, который шел до Нового базара. Я иногда пел песни про Москву, называя ее «моей мамимой», также «Катюшу» и др. Мне нравилась песня «Чубчик кучерявый», которую исполняли гости моей мамы на какой-то вечеринке, а уже во время оккупации и сам автор песни Петр Лещенко, выступавший в своем ресторане в Театральном переулке. Когда в двухкомнатной квартире, причем одна из комнат была без окон со слуховым окном в потолке, кто-то подметал пол, я часто находил подметенными какие-то свои игрушки и кричал: «Это мене ядо (надо)!».

Но наиболее часто во время болезней я был увлечен самым любимым занятием – перебирал купленные мне несколько книжечек, среди которых были «Мистер Твистер», «Чук и Гек», украинский сборник каких-то загадок и др. Вспоминаю, как мне было страшно, когда мама, когда я почему-то не слушался, закрывала меня в проходной комнате, которая располагалась между кухней и светлой комнатой с окном на Греческую улицу. Я стучал кулачками по двери и иступленно плакал, но мне долго не открывали дверь, пока я почти полностью не терял силы.

Но однажды вместо детского сада, который я не любил за безвкусный рисовый суп и строгих нянь с неприветливыми лицами, мама повела меня на Екатерининскую площадь, где жила бабушка Таня. И оставила там меня навсегда. Но для меня переход к бабушке Тане оказался спасительным. Бабушка Таня, когда я ее не слушался, говорила мне: «Я тебя отведу к маме!». Я начинал плакать и умолял этого не делать. У моей родной бабушки число моих болезней сократилось до минимума, я окончил у нее муздесятилетку имени профессора Петра Соломоновича Столярского, а потом и университет, вступив в почти полноценную жизнь. Помнится, когда война только началась, к нам на дачу приезжал мой единственный двоюродный брат Толик, сын тети Оли и ее мужа – погибшего на войне летчика. Толик увлекся ловлей бабочек сачком, чем и я часто занимался в те годы. Он явился одной из первых жертв военной бойни. На него упало бревно во время немецкой бомбардировки, и он погиб – невинная жертва жаждущих мирового господства «вождей».

Весной, когда на даче, которую строил мой отец, на улице Тенистой, 18, попевала первая скороспелая черешня, мы с бабушкой

отправлялись на дачу. Ехали трамваем № 17 от Греческой площади, где оставалась квартира, где жила мама с отчимом, в которой я больше никогда не бывал, так как при оккупации мама с отчимом нашли себе другую квартиру в переулке Некрасова, 9, и бабушка туда не ходила. Когда трамваи не ходили, мы шли на дачу пешком. Отдыхая, сидели на заборах, мимо которых проходили. Надо отдать должное: моя мама каждый месяц приходила после получения зарплаты к бабушке и приносила ей «деньги на жизнь», а бабушка умудрялась весь месяц ходить на базар, выкраивать деньги на продукты и приготавливала нам пищу.

Однажды мама пришла очень взволнованной. Она рассказала, что проходила мимо еврейского гетто, где сначала содержались в районе Молдаванки измученные одесские евреи. Зимой пришельцы заставили и стариков, и детей пешком добираться до далекого селения Березовки. Только немногим удалось спастись.

На даче, особенно после переезда на все лето, было гораздо лучше, чем в городе. Почему-то бабушка никогда в городе не выпускала меня во двор, и я «дышал свежим воздухом» только при походах в школу и обратно. Она очень заботилась о моем воспитании и делала все, чтобы я болел как можно реже. На даче я все время находился на воздухе. Перевозил нас на дачу с пожитками мой дед, которого звали Базиль. Для этого в те годы, во время оккупации, нанимались дрожки с лошадкой, которой «рулил» дед Базиль. Помнится, однажды он дал вожжи и мне. Он был мужем сестры моего родного дедушки, отца моей мамы, который был до революции царским чиновником и прятался от ГПУ, переехав жить в столицу Казахстана Алма-Ату, что означало по-русски «Отец яблок». Сестру деда Васи, которого я увидел впервые только после войны, звали Сашей. У них с Базилем Лосевым не было детей, и они свою несостоявшуюся заботу о детях перенесли на меня, когда я жил у бабушки Тани.

* * *

Помнится, в один из первых дней войны, когда стемнело, мы все – Базиль с Сашей, моя мама с отчимом Леней, бабушка и я – вышли на самую большую открытую террасу и смотрели на небо, думая, что под Одессой происходят армейские ученья, когда все

небо было испещрено трассирующими пулями, огромными свечами, достающими до облаков, – прожекторами, которые непрерывно рыскали по небу в поисках самолетов, на фоне разрывов зенитных снарядов, под аккомпанемент тяжелого гуденья немецких бомбардировщиков, ищущих свою добычу в мирном городе. Мы, конечно, впервые услышали близкую стрельбу зениток и рисковали быть ранеными осколками. Но мы были уверены, что это учения. Помнится, как по городу были подвешены на довольно большой высоте в виде колбас надутые воздухом огромные мешки для ловли бомбардировщиков, регулярно бомбивших Одессу. Как рассказывала мне моя жена Нина, их дом возле Нового базара также был полностью разрушен бомбой. Их семье удалось спастись в подвале соседнего дома.

Полыхавшая война вместе с ужасом и смертью показывала свое страшное величие, несущее поголовную беспощадную смерть в одновременно своеобразной роскошной своей красе. В дальнейшем мы узнали об опасности, которой подвергались, и спрятались в довольно глубоком погребе, в который спускаться нужно было по вырытым в глине ступеням. Помнится, мы сидели с бабушкой во время бомбежки, о которой предупреждала громкая сирена воздушной тревоги. Я бабушку спрашивал, чувствуя после взрывов бомб довольно сильное вздрагивание почвы: «Таня, а что будет, если нас засыплет земля после взрыва бомбы?». Бабушка невозмутимо отвечала мне: «Есть лопаты, будем откапываться!». Меня ее ответ успокоил и заставил сомневаться только в том, сумеем ли мы с бабушкой откопаться из глубокого погреба.

На другой день, выйдя на главную аллею нашего дачного кооператива, я увидел две довольно большие ямы, в которых что-то отрывали незнакомые мне мальчишки. Оказалось, что это были две воронки от бомб, сброшенных почему-то на наш дачный кооператив. Люди говорили, что немецкие самолеты промахнулись, так как военная часть была в санатории имени Семашко. Говорили, что какие-то диверсанты давали сигналы самолетам, и поэтому они сбросили бомбы здесь. Все стены ям были утыканы металлическими осколками взорвавшихся бомб. Мальчишки с интересом их рассматривали и показывали людям, стоящим поблизости. По моим современным представлениям эти осколки очень

напоминали осколки большого железного метеорита. Потом возле забора нашей дачи показались военные, которые начали допрашивать взрослых, знают ли они, кто во время бомбежки давал сигналы самолетам. Никто ничего не мог сказать, и военные с ожесточением говорили: «Смотрите, если узнаем, повесим на первой же ветке!». Почему-то их подозрения падали на нашу сторожиху Долинскую. Конечно, для всех нас такие угрозы были в диковинку.

От бомб люди придумывали себе убежища. В Аркадии прямо у пляжей в обрывах ракушечника выдалбливались ниши, и там во время бомбежек прятались люди. Недалеко от входа в парк и на пляж Аркадии, от аллеи, которая вела к морю, в обрыве, состоящем из камня-ракушечника, был вход в катакомбы. На ночь в один из дней начала войны мы пошли туда, чтобы спрятаться от возможных попаданий бомб. Надо сказать, что бомбежка города, где жили старики, дети, находились больные, – представляла собой особо жестокое действие. Дело в том, что на бомбы при их запусках с самолетов подвешивались специальные ревуны для еще большего запугивания населения, когда все люди просто не понимали, откуда и зачем против них пришельцы из-за границ государства – немцы со своим идиотом фюрером – направляют свое смертоносное оружие. Бомбы при полете издавала звуки, которые вначале были высокие по частоте, а потом, приближаясь к земле, становились все более низкие и угрожающие. В конце, во время взрыва, как уже отмечалось здесь, слышался страшный громopodobный звук, и вздрагивала почва, как во время землетрясения.

В катакомбы на ночь мы пришли с пожитками – едой, примусом, постелью. Помнится, мы шли по длинным каменным коридорам. Вокруг на более просторных площадках везде ютились люди, освещая каменные своды светом свечей, фитилей, разных лампадок и коптилок. Некоторые готовили пищу на примусах и грецах и ужинали. Мы также нашли место, где можно было расположиться на ночлег. Меня уложили спать. Я всегда засыпал на привычной для меня подушечке, которую называл «побуха». Но сон на этот раз был далеко не безмятежный. Как мне рассказывали, в катакомбах вдруг начали гаснуть все свечи и коптилки. Оказывается, кто-то от воров закрыл бывшую в то время у входа в катакомбы дверь, и при множестве в этой страшной пещере

людей все начали задыхаться: не хватило кислорода. Меня, как говорят, вынесли из катакомб на воздух без сознания и с трудом откачали. Больше мы в катакомбы не ходили.

Помнится, при оккупации у входа в катакомбы, которыми мы так неудачно воспользовались, оккупанты установили какой-то агрегат. Как мне объяснили, такими специальными аппаратами в катакомбы качали отравляющие газы для умерщвления партизан, которые умудрялись жить в катакомбах и участвовать в войне с оккупантами. Некоторые партизаны умирали в катакомбах голодной смертью. Вышедших и сдавшихся партизан судили, но румыны к партизанам относились более мягко по сравнению с немцами, которые всех уничтожали. Румыны некоторых специально отобранных прилюдно отпускали на свободу. Зато после освобождения уже наши «компетентные органы» их снова арестовывали и значительную часть расстреливали якобы за предательство во время войны. То же самое происходило с пленными. Помнится, как нашего соседа по квартире бухгалтера маслозавода Алексея вызывали на допросы до самой его смерти и объясняли ему, что во время боя под Севастополем он должен был себя взорвать вместе с врагами, но не сдаться.

Однажды летом 1941 года к нам на дачу приехала из города моя бабушка Женя – мать моего отца, вместе со своим внуком Толиком, моим двоюродным братом. Это был мальчик лет одиннадцати, который имел большой сачок для ловли бабочек. В то время в нашем дачном кооперативе было еще очень много довольно редких насекомых, которые впоследствии из-за загрязнения окружающей среды и воздействия человека в основном полностью вывелись. Вспоминаются жуки, названные в имевшихся у нас бабушкой Таней книгах Брэма, красотелом пахучим. Книги Брэма «Жизнь животных» достались мне во время прогулки с бабушкой по улицам занятого румынами города в первые дни после оккупации. На углу улиц Греческой и Ришельевской на тротуаре была сложена большая куча книг, выброшенных из расположенной вблизи библиотеки «Медсантруд». Приглашались прохожие для разбора этих книг, для сортировки. Вместо денег вознаграждали книгами. Так мы обзавелись небольшой, но интересной библиотекой, которую мы читали вслух с бабушкой

и ее подругой доктором Павловой во время долгих зимних вечеров при коптилке. Книги для чтения брались и у специальных арендаторов. Особой популярностью пользовались книги Дюма («Три мушкетера»), Гюго, также приключенческие и «захватывающие».

Мой двоюродный брат Толик был сыном тети Оли – сестры моей тети Нюры. Обе тетки были родными сестрами моего отца. Первый муж моей тети Оли, летчик, погиб в начале войны на фронте. Тетя Оля еще до войны познакомилась с немецким колонистом Штольцем. По оценкам приезжавшего по моему приглашению через много лет в Одессу сына немецкого консула Пауля Рота, перед войной под Одессой жило не менее 200 тысяч немецких переселенцев, которым Гитлер собирался отдать славянские земли. Помнится, как приехавший, когда еще ходили трамваи, к нам на дачу с нашей с ним общей родной бабушкой Женей Толик ловил сачком бабочек, веселился. Но примерно через месяц, летом 1941 года, мы узнали печальную новость.

Во время бомбежки баба Женя вместе с Толиком прятались от осколков в их квартирке на улице Манежной, № 52. В этом доме жили и мы с женой впоследствии, после рождения дочки. Туалеты в этом доме находились во дворе, а все выходы из маленьких квартирок дома были связаны большим общим коридором с деревянными полами и железной лестницей, ведущей во двор. Судьба распорядилась так, что бревно с чердака при взрыве упавшей невдалеке бомбы рухнуло прямо на Толика и убило его. Это было на глазах у бабушки Жени, как она рассказывала. При этом лицо ее искажали появившиеся глубокие морщины. Так мой двоюродный брат Толик оказался одной из миллионов жертв кровавой мировой бойни. Фамилия его отца, как и его самого, в семье не сохранилась. Сколько людского горя принесла эта бойня, затеянная несколькими вождями в целях своего возвеличивания во всем мире! Конечно, Толик не заслуживал такой участи. Могила его осталась нам не известной.

Что касается ловли бабочек, то я этим делом очень увлекался в те годы, когда их было так много! Я собирал все летние месяцы коллекцию насекомых – в основном бабочек и жуков. Собирал также гербарий. Ничего этого сохранить мне не удалось. Помнится, как в родниках, стекавших в Аркадии из расщелин с обрывис-

того берега, плавали большие жуки-плавунцы. Вода в родниках в то время была очень чистая. Когда в то время прекращала из крапов поступать вода, мы ходили на берег и набирали для питья воду из этих родников, которые потом иссякли и загрязнились. Благодаря родникам воду в Одессе можно было раздобыть на берегу моря. А жуком-плавунцом я пополнил свою коллекцию насекомых, не сохранившуюся после моего отъезда из Одессы на работу.

* * *

Так вокруг нас разыгрывалось побоище, названное войной. Надо сказать, что одесситы при обороне города проявили действительно истинный героизм. Повсюду перед сдачей города были расклеены плакаты с лозунгами: «Не сдадим солнечной Одессы!». И это не были пустые слова. Оказывается, что, несмотря на то, что немецкая армия ушла далеко вперед и захватывала все большие территории, под Одессой шла ожесточенная борьба с врагом. В сражениях при обороне города многих румын брали в плен. Оказалось правдой, что на фронте оружия и боеприпасов катастрофически не хватало. Одна винтовка была, как правило, не меньше чем на троих человек. И на передовой многие ждали, пока освободится эта единственная на троих винтовка и перейдет из рук погибшего или раненого к его товарищу. Поэтому сдача города 16 октября 1941 года была для многих совершенно неожиданной, ибо оборона Одессы эффективно продолжалась. Правда, перед уходом из Одессы, вместо того чтобы раздать оставшемуся населению (примерно 300 тысяч человек) продукты, их сбрасывали в море, у нас с бабушкой на глазах сжигали большие магазины с одеждой, а когда город был сдан, была взорвана дамба Хаджибеевского лимана. Были затоплены Куяльник и Пересыпь. Никакой военной необходимостью этот взрыв дамбы не оправдывался. Были жертвы среди жителей.

Осуществлялись и провокационные действия. Взрыв здания НКВД на Маразлиевской произошел 22 октября в 17 часов 30 минут, по данным свидетеля тех лет Сметанина, нашего коллеги по книжной секции при Доме ученых, через полчаса после начала очень серьезного совещания румынской военной верхушки.

Взрыв погубил большие чины румынской армии, находившиеся в Одессе, за что оккупанты начали мстить всему населению города. В отместку за одного погибшего уничтожалось не менее ста человек из населения. Как говорят свидетели, на всех деревьях проспекта Мира были трупы повешенных людей.

При сдаче Одессы румынские пленные в количестве нескольких тысяч человек были расстреляны, а трупы сожжены в бывших артиллерийских складах. Склады тянулись от нынешней площади Толбухина до 3-й станции Люстдорфской дороги. Пылающие крыши сараев рухнули уже тогда, когда в городе были румыны. В этих же сараях, особенно после взрыва на Маразлиевской, 22 октября были, вероятно, в отместку сожжены десятки тысяч евреев и советских пленных. Поэтому наступили дни преследований, в первую очередь евреев, а также всех, кто попадался под руку. И только письмо руководства университета (профессор Часовников), адресованное губернатору Алексиану, написанное по-румынски с выражением соболезнования, положило конец страшному террору.

Жестоко поступили и свои после отступления армии из Одессы. В те дни, пользуясь объявленной свободой торговли, которая в СССР была запрещена, на Новый базар приехали крестьяне из деревень, чтобы что-то продать и купить, что спасало горожан от голода. В это время была очень жестокая бомбардировка уже нашими Нового базара, откуда, как говорили очевидцы, трупы вывозились грузовиками.

* * *

Несмотря на чудовищные преследования евреев, расправы с партизанами и всеми не угодными оккупационному режиму, в Одессе при оккупации открылись новые частные магазины, рестораны, издавались газеты, журналы, работали школы, лицеи, работал университет и другие вузы, бывшие в подчинении университету, открылась консерватория, оперный театр, а также русский театр и еще несколько частных театров, кинотеатры, рестораны и бodeги.

Центральная аллея Аркадии, по которой мы ходили на пляж, была всегда ухожена. Посреди клумб, тянувшихся по аллее, в лет-

нее время были высажены пальмы, на грядках было много цветов – анютины глазки, флоксы, маргаритки, петунии, гвоздики и др. На нашей даче мы посадили юкки и розы, которые цвели, порождая новые корневые отростки, в рассаживании которых и я принимал участие. Конечно, купанье на пляже в Аркадии было самым любимым занятием. Мы с бабушкой в летнее время отправлялись на пляж рано утром. Тогда на центральном пляже сравнительно близко к берегу часто можно было видеть барахтающегося в воде дельфина. Когда муж бабушки Саши Базиль вместе с ней приезжал к нам на дачу, мы с ними ходили на море. Дедушка Базиль сажал меня на плечи, и мы догоняли стайки маленьких рыбок, которые быстро подплывали и уплывали от берега.

Людей на пляже было мало. Тогда еще по берегу можно было в воде встретить раков-отшельников, множество крабов, рыба-иглу, рачков, которые использовались для наживки при ловле бычков. Вспоминаются пахучая скабиоза, растущая на тропинках по берегу моря, незасыхающие цветы бессмертники, букеты которых уже после войны из Одессы так любили увозить туристы, так что эти полевые цветы здесь совсем исчезли.

* * *

Вспоминается другое событие того времени. Однажды мы с бабушкой проснулись на даче, а кушать у нас ничего не было. Бабушка не знала, что ей делать. В нашей дачной местности вблизи Аркадии по краям широких проезжих дорог и улиц люди сажали огороды, в частности, выращивали картошку. Бабушка попросила меня пойти на такую близлежащую дорогу и выкопать пару картофелин. Я согласился, хотя и боялся идти один, без бабушки. Когда я вышел на обочину дороги, где был посажен цветущий картофель, я начал копать в земле. Вдруг я увидел человека, который явно с угрожающим видом приближался ко мне. Я хотел убежать, но ноги от ужаса буквально приросли к земле, и я не мог даже сдвинуться. Он подошел, схватил меня за руку и грозно сказал: «Идем в полицию». И потащил меня за руку. Тут я заорал во все горло. Мой крик услышала бабушка и прибежала, начав уговаривать этого мужчину, что она ему может показать, что у нас дома

нет ни единой его картошки. Он согласился, а я побежал домой. Человек действительно осмотрел нашу комнату, где мы жили, сделал пару наставлений и ушел. Так окончился этот эпизод. Потом я слышал, что за воровство румыны сажали в клетку и выставляли напоказ людям, потом избивали и даже отрубали руку.

Однажды из окна комнаты в квартире № 20, где мы жили на Екатерининской площади, при оккупации носившей имя Гитлера, я наблюдал довольно неприглядную картину, оставившую след в памяти. Дело в том, что в большом доме № 5, где жили мы с бабушкой, разместился румынский отряд и, как говорили, румынский штаб. У ворот дома в специальной будке всегда дежурил часовой. Из-за этого или по каким-то другим причинам из комнаты, где вначале жила бабушка Таня вместе со мной, нас выселили в симметрично расположенную в другом углу дома, тоже на третьем этаже, равную по метражу комнату. Эта комната были плотно уставлена бабушкиными вещами – старинным буфетом, пианино фирмы «Kaps», небольшим письменным столом и ломберным столиком с тремя зеркалами, у которого ежедневно моя бабушка делала себе завивку и прическу, находясь у зеркала иногда несколько часов. Эта привычка у нее осталась с дореволюционных времен.

Комната была перегороджена очень аккуратно рукотворной ширмой, которую, как говорила бабушка, из двух досок сделал дед Вася, живший в то время в Алма-Ате. За ширмой была спальня, где стояла большая кровать с периной бабушки и моя лежанка с достаточно твердым основанием. Над кроватью бабушки, где вначале я тоже спал, висела вышивка, сделанная руками бабушки, – с русалками и цветущими водяными лилиями, кувшинками, как их называла бабушка. Над кроватью висела маленькая иконка Божьей Матери, а в углу комнаты – икона побольше. В этой импровизированной спальне находился портрет отца бабушки – художавого пожилого человека с бородой. Видно, на этот портрет уставился пришедший в эту комнату перед нашим переселением немецкий офицер, ища у отца бабушки сходство, возможно, с евреем. Бабушку этот взгляд на портрет, видимо, очень взволновал. Но никаких замечаний ей сделано не было. И в том же порядке вместе с большой картиной художника Капустина, изображающей берег моря, и большой картиной с девушкой с кувшином вся мебель была

перенесена через проходную квартиру по этажу дома, где мне с бабушкой предстояло жить и учиться еще многие годы.

Так вот, как-то в период оккупации, проснувшись и подойдя к окну, выходящему во двор дома, я увидел любопытную картину. Во дворе вокруг не действующего дореволюционного фонтанчика, обнесенного изгородью и небольшой клумбой, где тогда росла обыкновенная трава и вырос куст сирени, выстроились одетые в желтоватую форму цвета спелой кукурузы румынские солдаты. Офицер ходил по двум выстроившимся рядам и что-то рассматривал на каждом солдате, отбирая некоторых из них. Отобранные солдаты, сбившись в небольшую кучку, стояли отдельно от остальных. Потом офицер снял с себя длинный ремень, которым мужчины опоясывают брюки, и что-то приказал стоявшим отдельно солдатам. Они по одному подходили к офицеру, скидывали до земли свои штаны и изгибались, подставляя ягодичы офицеру, который с размаху стегал их по задам, а они воспринимали эту процедуру как должное. Позднее мы с бабушкой догадались, что так проходило в румынской армии наказание за какие-то проступки: не была застегнута пуговица или что-то другое в таком же роде. Я, конечно, испугался этого зрелища, а потом смотрел без особых эмоций. Так ко всему привыкает любой человек.

На религиозные праздники, которые широко отмечались во всех открытых при румынах храмах, нас к себе приглашали бабушка Саша с мужем Василием (Базилем) Лосевым. Оказывается, бабушка Таня с Сашей и Базилем решили меня крестить, что было фактически запрещено в СССР – государстве воинствующих безбожников. Саша и Базиль стали моими крестными. Помню, как мы в церкви на Малой Арнаутской, которую впоследствии мне потом так и не удалось разыскать (церковь, наверное, была уничтожена или перестроена), ходили со свечами вокруг большого сосуда с водой. Была зима, и меня не окунали в холодную воду. Другой раз при посещении моих крестных, на Пасху, мы с Базилем ходили ночью в церковь. По городу люди ходили с цветными фонариками, в качестве которых использовалась свечка, окруженная картоном с вырезами, заклеенными цветной бумагой. Мне было очень интересно и весело. Когда мы с Базилем вернулись к ним домой, я даже вздумал сочинять стихи, в которых были, как

помнится, такие слова: «Как лебедь белыми крылами он вверх ушел – то был Христос». Конечно, в условиях коммунистического эксперимента все это мне пришлось забыть.

Помнится, у бабушки Саши была большая библиотека приложения к журналу «Нива» – сочинения многих русских писателей: Вересаева, Лескова и др. Запомнился один рассказ из этих книг, которые Базилю пришлось использовать для растопки печки. В рассказе говорилось о маленьких друживших друг с другом мальчике и девочке, которые оба болели сердцем. Они сообщали друг другу, когда каждый из них умрет, – на елку или после нее... Недавно, в уже совсем другое время, мне пришлось как бы заново пережить события, описанные, как помнится, Вересаевым.

К зиме 1944 года наступило время, когда была пора идти в школу. Единственным лицеем, расположенным напротив дома, где я жил с бабушкой, был лицей в помещении школы Столярского, где при оккупации размещалась и консерватория. Директором консерватории был дирижер Чернятинский. Когда я пришел с бабушкой на занятия в лицей, я узнал, что первой нашей учительницей была Галина Саввишна Мисько. У нее оба сына были в Красной армии. Она удивительно хорошо умела объяснять совсем малым детям, даже что такое бесконечность. А ведь мы все перенесли бомбежки и жестокие военные действия под Одессой. Мы с Юрой Некрасовым по музыке занимались вместе у одной учительницы, Татьяны Леонидовны Достойновой. Юра Некрасов был назначен дирижером нашего детского шумового оркестра. Я играл на тарелках. У Некрасова, как я потом узнал по архивно-следственному делу, отец имел совсем другую фамилию – Дечев, и был репрессирован НКВД. Из лагерей домой он так и не вернулся.

На уроки в лицей к нам приходил священник, но из его проповедей мне ничего не запомнилось. Преподавательница румынского языка не знала русского, и ее уроки были посмешищем. Я не знал тогда, что и наша учительница по музыке Татьяна Леонидовна Достойнова была жестоко репрессирована, а арестованная вместе с ней двоюродная сестра была расстреляна как дочь русского генерала.

На уроках по музыке я играл одной рукой самые легкие песенки и упражнения для пальцев. Учившийся со мной Юра Некрасов занимался музыкой, безусловно, более успешно. Помню выступ-

ление нашего шумового оркестра на сцене оперного театра на Рождество 1944 года. На сцене возвышалась огромная елка. Была прекрасная музыка оперы композитора Ребикова. Помнится, при выступлении нашего оркестра одна из исполнительниц на сцене пустила лужу. Видно, от испуга.

Нам аплодировал весь зал оперного театра.

В оперном ставились русские оперы, балеты. На сцене блистал баритон Савченко, тенор Топчий, великолепный премьер балета Лесневский. Спектакли театра, помнится, все приезжие военные и публика уже после освобождения Одессы продолжали хвалить. И театр не пустовал никогда.

Мы с бабушкой бывали довольно часто после школы в детском театре, расположенном в бывшем ресторане П. Лещенко в Театральном переулке. Бывали и в оперном театре, один или два раза в русском театре Василия Вронского. Смотрели «Анну Каренину». Я никак не мог понять в спектакле, как все время за окном на сцене «шел снег».

* * *

И вот снова настали грозные времена. Линия фронта уже отступавшей армии фюрера снова приближалась к Одессе. По Преображенской шел непрерывный поток всяких повозок, машин и людей в сторону Николаева. На этот раз бомбили нас уже наши. Мы надеялись, что «свои» бомбы нас не тронут. Но однажды в дом, где жили бабушка Саша и дед Базиль, попала бомба, которая пробила все потолки и полы с четвертого этажа до первого, а жертв вроде не было. Только у двух женщин при пролете этой бомбы на голове сгорели тюлевые платочки. Интересно, что впоследствии бомбивший нас летчик приходил в этот дом и интересовался результатами своего бомбометания. Удивить его было нечем.

Опять наступили голодные дни. Румыны на носилках выносили на площадь страшный на вид, но съедобный хлеб. В день моего рождения 5 апреля к нам прибежала моя мама. Они с отчимом жили на своем кустарном предприятии, которое они намеревались закрыть, поскольку при коммунистическом эксперименте владение частной собственностью считалось преступлением.

Мама мне принесла целую горку всевозможных игрушек. Там был и вращающийся паяц, и машинки. Когда она бежала к нам, думая, что наш дом разбомбили, по дороге увидела не убранный труп женщины. Мама горько плакала, вероятно, от радости, что застала нас с бабушкой невредимыми.

В последние дни при наступлении Красной армии в Одессе был настоящий ад. Взрывы громыхали без всякого перерыва. От этого непрерывного гула взрывов можно было оглохнуть. Только взрывы бомб, которые выпускали наши самолеты, выдавали себя сотрясением почвы. Немногочисленные жильцы нашего дома прятались в квартирке у дворника. Я как-то, будучи в дворницкой, побежал в квартиру к бабушке. Меня охватил ужас, и я кричал и плакал. Бабушка испугалась, что я пробежал через двор, где меня могло убить осколком. К ночи, когда мы все сидели у дворника Алеши, который продолжал работать в течение всего периода оккупации, внезапно все стихло. Выглянув через щель в воротах, мы увидели, как на нашу площадь приехала машина типа бензовоза, и вокруг нее крутились два человека – наверное, немцы из специальных отрядов.

Было впечатление, что вокруг нас дома все были совершенно пустые. Люди у бензовозов начали подготавливать поджог зданий на площади и тянули шланги к зданию напротив нашего дома, через дорогу. Оставшиеся жильцы нашего дома готовились рубить стену, ограждавшую наш двор от двора в Театральной переулке, где жила Янина Поржезинская, моя будущая жена, в то время маленькая и болезненная, как и я. Но я тогда с ней не был знаком. Они с матерью приходили к нашей соседке Марии Константиновне Шепелевич, и та просила меня давать Янине для прочтения детские книжки.

В ночь на 10 апреля 1944 года рубить стену у нашего дома не пришлось. Немцы подожгли только соседский дом и уехали. Ветер был от нас в сторону Сабанеева моста. Искры на ветру летели к соседним домам, и все эти дома, включая крышу школы Столярского, где я еще зимой учился в лицее, тоже загорелись. Наш дом остался цел, и только на чердаке, как говорили, нашли потом около десятка зажигательных бомб, которые не взорвались. Между тем в ту ночь к нам во двор пришел пешком отряд немцев с какими-то знаками на рукавах. Мы боялись их, а они начали

раздавать консервы, которые им было тяжело нести. Консервы давали старикам и детям. Мария Константиновна, наша соседка, получила какой-то компот, а мне достался компот из абрикосов, показавшийся мне удивительно вкусным.

В городе воцарилась тишина, но площадь продолжала гореть. Наш дом остался цел.

На другое утро, 10 апреля, мы вышли на нашу площадь. Со стороны Сабанеева моста часов в десять утра появились наши танки. Лица танкистов были обветренные и даже загоревшие. Они постояли минут десять, мы их приветствовали. Потом они поехали дальше, а мы вернулись в наш дом.

Предстояли нелегкие годы после войны, которые для нас, жителей освобожденной Одессы, уже наступили, хотя война еще продолжалась. Жить пришлось впроголодь. Нас, бывших учеников лицея, зачислили в школу Столярского осенью 1945-го года и поместили сначала в здание музучилища, а потом на улицу Толстого, на четвертый этаж углового здания, построенного при советской власти из камней разрушенного собора. В этом здании разместились целых четыре школы. Первый класс при румынах нам не засчитали, и пришлось с нашей Галиной Саввишной Мисько учиться второй год в первом классе. Но, думаю, что обучение под руководством Галины Саввишны нам всем принесло только пользу. До сих пор помню предварительные планы решения задач по арифметике, записи истин, которые могла сообщить только учительница младших классов. Она говорила нам: «Самого большого числа нет. Если к «самому большому числу» прибавить единицу, то оно увеличится на единицу». Помню разные правила на определение числа дней в месяце, всевозможные исключения из грамматических правил и многое другое. Галина Саввишна, у которой внезапно тогда доктора по ошибке определили саркому легкого, для всех нас осталась любимой учительницей навсегда.

